

ЕКАТЕРИНА II: РЕФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУР ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ: ИСТОЧНИКИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Аннотация. Автор статьи анализирует современные работы о реформе управления Екатерины II, их источниковую базу и методы исследования. Демонстрирует, что в них реформа местного управления 1775 г. оценивается несколько иначе, чем в трудах советского периода. Указывает на недостаточную изученность реформ с позиций синергетики.

Ключевые слова: историография, делопроизводственные источники, феноменология, методы исследования, местное управление, Российская империя.

В современной отечественной историографии ситуации изучение реформ имеет особую актуальность. На протяжении последних десятилетий общество нуждается в исследовании опыта осуществления крупномасштабных реформ для осмысления процесса современных преобразований. Несмотря на появление значительного количества изданий по этой проблематике политологов, специалистов в области изучения процессов модернизации, историков широкого профиля¹, общество беспокоят вопросы как должно осуществляться взаимодействие власти, общества и человека в процессе глубоких преобразований, чтобы они не вышли из-под контроля реформатора и при этом имели шанс на осуществление, всегда ли реформы в России были незавершенными, наталкивались на сопротивление широких слоев общества и реформируемо ли российское общество в принципе?

Работы последних лет, посвященные реформам и реформаторам, аккумулируют в себе накопленные знания и свидетельствуют, что историки не всегда достаточно ясно представляют, что происходило, когда замысел законодателя встречался с косностью канцелярий и традиционализмом основных слоев общества. Научное сообщество осознало потребность перенести центр тяжести исследований с замысла реформ на их реальный результат, что, несомненно, требует привлечения делопроизводственных материалов местных учреждений из архивов субъектов федерации. В отношении преобразований Петра I, либеральных реформ Александра II, столыпинской аграрной реформы такие исследования осуществлялись на основе делопроизводственной документации высших и центральных учреждений часто сводного, обобщающего характера, документов органов жандармерии, суда либо революционных организаций².

Однако очевидна недостаточная изученность реформ с позиций синергетики: в большинстве работ не описаны *процесс* переустройства общества, его *реакция* на предписываемые изменения, *механизм* внедрения начинаний реформаторов в жизнь и создания той новой реальности, которая *неизбежно* должна возникать в процессе

* **СЕРЕДА Надежда Владимировна** — доктор исторических наук; Тверской государственный университет; исторический факультет; кафедра архивоведения, историографии и документоведения; профессор; г. Тверь, Россия; nv.sereda@yandex.ru.

¹ См., напр.: Российские реформаторы (XIX – начало XX в.) М., 1995; Власть и общество: От самодержавной к советской России. СПб., 1996; Реформы и контрреформы в России: Циклы модернизационного процесса. М., 1996; Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М., 1997; Власть и реформы в России: материалы «круглого стола» // Отечественная история. 1998. № 2. С. 3–26.

² Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1982; Он же. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997; Он же. Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992; Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1994; Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. (20-е – начало 60-х гг.). М., 1999.

преобразований, являясь компромиссом между идеей реформатора и ответом на нее общества.

При изучении вопроса о реализации положений реформ вопросы методов и методологии исследовательского труда приобретают особое значение. Документы местных учреждений, создаваемых или преобразуемых в ходе реформ и наиболее ярко отражающих механизм внедрения идей в жизнь и отношение к ним общества, хранятся в архивах субъектов РФ. Именно они в первую очередь должны быть востребованы историками. Очевидно также, что задача по их освоению ложится на исследователей, проживающих в непосредственной близости к этим архивам и их документным комплексам. Эти исследователи формировались и формируются в рамках различных научных школ. Существует опасность, что они будут создавать работы, результаты которых, как и более ранних, окажутся трудно сопоставимыми. Первостепенной задачей исследователей на пути анализа формирования и развития изменений в ходе реформ управления является выбор архивных фондов *местных* учреждений, которые позволили бы выявить основные этапы и механизм изменений. В основе исследования таких процессов должно лежать, на наш взгляд, изучение документов учреждений, которые существовали до реформы и не были ликвидированы в процессе ее осуществления. Исследование фондов, созданных в ходе реформирования учреждений, может дать представление о процессе *становления новой системы управления*, но на их основе нельзя исследовать ее *перестройку*, а значит, и процесс реализации положений реформ.

Достижения отечественного источниковедения последних лет открывают новые подходы к изучению источников. Благодаря теоретическим изысканиям представителей научно-педагогической школы источниковедения в отечественной науке сложилось направление, представители которого рассматривают источники не только как средство получения информации о фактах, но и как продукты культуры прошлого и результата деятельности «чужой одушевленности», в данном случае управленческих структур, внедрявших положения реформ. В русле следования этой теории комплексы документации, сложившиеся в деятельности учреждений, рассматриваются как источник сведений о среде, т. е. об обществе и времени, в рамках которых они создавались с определенной целью и определенным образом, что позволяет восстановить картину происходивших перемен и механизм реформирования, оценить степень реализации реформаторских замыслов, их трансформацию на практике.

В области исследования массовой делопроизводственной документации окончательно оформилось направление, в рамках которого источники рассматриваются как реальные объекты исследования с доступными для анализа параметрами¹. Следуя в русле этого направления, сделав предметом изучения различные комплексы документов, можно получить несколько проекций предмета исследования и по ним составить представление о предмете изучения. Полученные при этом знания будут репрезентативны. Такой подход соответствует феноменологической парадигме гуманитарных исследований, ориентированной на строгое знание². Фундаментальный постулат феноменологии применительно к современному источниковедению может рассматриваться как

¹ См.: Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962; Станиславский А.Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 123–152; Рогожин Н.М. Посольские книги начала XVII в. и архив Посольского приказа // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР: Дюктябрьский период. М., 1981. С. 99–114; Он же. К вопросу о сохранности посольских книг конца XV – начала XVIII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дюктябрьского периода. М., 1988. С. 22–30; Новохатко О.В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в. М., 2000.

² Медушевская О.М. Источниковедение и архивоведение в современной гуманитарной ситуации // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе. М., 1999. С. 26.

представление о системных характерах предмета исследования и соответствующего комплекса источников¹. Используя методы компаративистики, ученый, исследуя тот или иной комплекс документов, воссоздает целостность культуры, его породившей².

В России, где основным видом архивных фондов являются сформированные по принципу происхождения, т. е. в деятельности государственных учреждений, общественных организаций и органов самоуправления, и отражающие историю фондообразователей, возможности для решения исторических задач в русле феноменологического подхода достаточно широки. Процесс фондообразования в этом случае можно рассматривать как частное проявление причинно-следственных связей в истории, а сами фонды как отражение системы, в процессе функционирования которой они отложились³. В этом контексте, по мнению отечественных ученых, не только архивные комплексы источников (фонды) могут рассматриваться как проекции исследуемого объекта⁴, но и всякая опись, и любой другой архивный справочник как его информационные модели⁵. Примеры такого подхода к фондам и архивным справочникам нередко встречаются в современной науке⁶. Проекция исследуемого объекта можно получить при исследовании более мелких документных комплексов, например, дел, сформированных в делопроизводстве и учтенных в составе фондов как единицы хранения.

Н.А. Четырина, проанализировав содержание дел с протоколами заседаний ратуши Сергиева Посада, установила периодичность заседаний, круг корреспондентов ратуши и основные направления работы, а также периодическую смену подведомственности ратуши губернским учреждениям. Удалось также установить, что с Московским губернским правлением ратуша вела более активную переписку, чем с уездными учреждениями Богородского уезда, к которому относилась⁷. Изменения в системе управления исследуются на основе системного анализа целостных документальных комплексов, сформированных в делопроизводстве либо сложившихся на архивной стадии их бытования: дело – совокупность однотипных дел, фонд – комплекс фондов и т. д.

О.Е. Думенко провела изучение фондов сиротских судов Тверской губернии и установила, что их состав документов свидетельствует об отклонении от законодательства на стадии реализации реформы, а также о складывании локальных моделей управления в различных городах Тверской губернии⁸. О существовании локальных моделей управления в городах Тверской губернии в период реформы управления Екатерины II свидетельствует

¹ Медушевская О.М. Источниковедение и архивоведение... С. 20–26; Румянцева М.Ф. Урбанизация как проблема сравнительно-исторического исследования: методологические аспекты феноменологического подхода // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М., 1999. С. 57–69.

² Медушевская О.М. Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании: проблемы методологии // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996. С. 6–27.

³ Автократов В.Н. Фондирование и учет документов (О двух частных теориях архивоведения) // Труды ВНИИДАД. М., 1978. Т. 7. С. 1; Хорхордина Т.И. Открытие Автократова (1922–1992) // Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 15.

⁴ Румянцева М.Ф. Урбанизация как проблема... С. 68–69.

⁵ Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 84, 89.

⁶ Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984; Он же. У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996; Рогожин Н.М. Посольские книги начала XVII в. и архив Посольского приказа // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР: Дюктябрьский период. М., 1981. С. 99–114; Он же. К вопросу о сохранности посольских книг конца XV – начала XVIII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дюктябрьского периода. М., 1988. С. 22–30; Мустонен П. Архивные материалы СЕИВК как источник периодизации ее деятельности // Отечественные архивы. 1997. № 2. С. 23–30; Петров К.В. К изучению описей архива Разрядного приказа // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 174–187.

⁷ Четырина Н.А. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. М., 2006. С. 90–95.

⁸ Думенко О.Е. Сиротские суды Тверской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2010. С. 14.

и изучение фондов других городских учреждений, а также отдельных категорий дел магистратского делопроизводства¹. Комплексное изучение описей фондов всех городских учреждений всех городов губернии и некоторых категорий дел за XIX в. позволило проследить хотя и достаточно позднее и слабое закрепление в практике жизни городов основ законодательства Екатерины II, направленного на создание городских дум и формирование сословных городских сообществ. Отчетливо видно, что новая реальность возникала как результат наложения предписаний закона на существовавшую действительность, нормы, обычаи, традиции того или иного региона².

Проведенное исследование годовых комплектов протоколов журналов заседаний магистратов Тверской губернии, позволило выявить круг корреспондентов этих учреждений, изменения в нем. Полученные данные позволили сделать вывод о децентрализации управления в последней четверти XVIII в. Было установлено, что в 1778 г. в магистраты всех городов поступали указы из центральных учреждений – коллегий и контор. При этом в старинный г. Торжок поступило значительно больше указов центральных учреждений, чем в новоучрежденный г. Калязин. По законодательству все местные учреждения должны были вести переписку с губернскими учреждениями и не имели права непосредственной переписки с высшими и центральными учреждениями. Но Торжок в предшествующий период имел с ними устойчивые делопроизводственные связи, разрывать которые, видимо, не спешил, центральные учреждения, в свою очередь, не хотели расставаться с возможностью оказывать влияние на местные структуры. Таким образом магистраты, особенно Новоторжский, в 1778 г. были вписаны одновременно в две системы управления: старую, вертикально ориентированную, или функциональную (Ле Донн), и новую, центром которой для магистрата являлось губернское правление и которая известна под названием территориальной (Ле Донн), или лучевой (Н.П. Ерошкин). Сохранение традиционных связей на начальной стадии реформы, с нашей точки зрения, было необходимо, так как это обеспечивало стабильность системы в условиях реформирования.

Изучение комплекса протоколов за 1782 г. показало, что к этому времени связи с центральными учреждениями были окончательно прерваны. Мы считаем, что это обстоятельство можно рассматривать как успех в осуществлении реформ. «Система ведомств, строго подконтрольных и подчиненных монарху»³, перестала быть проводником политики Екатерины II. Значит, мы имеем право говорить о децентрализации управления.

Одновременно выяснилось, что динамика численности распоряжений, поступивших в магистраты от наместника Новгородского и Тверского и от правителя Тверского наместничества – губернатора, а также от губернских учреждений, имеет явно выраженную тенденцию на увеличение, а это значит, что происходило укрепление территориальной системы управления, распорядительная власть сосредоточивалась в губернских структурах. Таким образом, проводником политики Екатерины Великой являлись не ведомства и даже не наместники, а чиновники вновь созданных губернских и городских структур⁴.

Е.А. Шевченко провел исследование воронежских архивных фондов и установил, в частности, что нельзя согласиться с существующей точкой зрения о «нечеткой роли наместника в управлении». По его мнению, основным рычагом управления в период

¹ Серeda Н.В. Реформа управления Екатерины Второй: Опыт источниковедческого исследования. М., 2004.

² Там же.

³ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 264.

⁴ Серeda Н.В. Указ. соч. С. 173–189.

проведения административно-территориальной реформы Екатерины II оставалось наместническое правление во главе с генерал-губернатором, а губернатор рассматривал по большей части малозначимые дела¹. Документы фондов учреждений Тверской губернии не позволяют безоговорочно согласиться с выводами, сделанными Е.А. Шевченко. В этой губернии очень велика была роль Тверского наместнического (губернского) правления. Оно выполняло роль посредника в отношениях между учреждениями одного города, между городскими и уездными учреждениями и тем более учреждениями разных губерний².

Число местных учреждений и чиновников в ходе проведения реформы управления Екатерины II существенно увеличилось, и это способствовало усилению контроля правительства, однако нельзя недоучитывать той серьезной разницы между контролем над низшим звеном местных управленческих структур, который был до реформы, и тем, который сложился благодаря ей. Если раньше он осуществлялся из Москвы и Петербурга, то теперь – из губернского центра, причем губернии гораздо меньшей по масштабу, чем ранее. И в этом плане совершенно правы исследователи, утверждавшие, что благодаря реформе власть была приближена к населению, и это отвечало его интересам, выраженным в наказах в Уложенную комиссию³.

Источники и литература

1. Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001. 392 с.
2. Автократов В.Н. Фондирование и учет документов (О двух частных теориях архивоведения) // Труды ВНИИДАД. М., 1978. Т. 7. С. 8–70.
3. Анисимов Е.В. Великие реформы в России. 1856–1874. М.: Изд-во МГУ, 1992. 333 с.
4. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
5. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л.: Наука, 1982. 296 с.
6. Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV– начала XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 263 с.
7. Власть и общество: От самодержавной к советской России. СПб.: [б. и.], 1996. 801 с.
8. Власть и реформы в России: материалы «круглого стола» // Отечественная история. 1998. № 2. С. 3–26.
9. Грибовский В.М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй: историко-юридическое исследование: период 28 июля 1762 – 7 ноября 1775 г. / В.М. Грибовский. СПб.: [б. и.], 1901. 348 с.
10. Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II: Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г. / В.А. Григорьев. СПб.: [б. и.], 1910. 350 с.
11. Думенко О.Е. Сиротские суды Тверской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2010. 22 с.
12. Иловайский Д.И. Граф Яков Сиверс: биографический очерк // Рус. Вестник. 1865. Т. 55. № 1–2. С. 5–47, 628–684; Т. 56. № 3. С. 153–215.
13. Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М.: Московский общественный научный фонд, 1997. 237 с.
14. Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. (20-е – начало 60-х гг.). М.: Археографический центр, 1999. 384 с.

¹ Шевченко Е.А. Воронежское наместничество (1776–1779 гг.): Система управления. Воронеж, 2010. С. 26, 111.

² Середа Н.В. Указ. соч. С. 226–273.

³ Грибовский В.М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй: историко-юридическое исследование: период 28 июля 1762 – 7 ноября 1775 г. СПб., 1901. С. 342; Любавский М.К. История царствования Екатерины II: курс читанный в Императорском Московском университете весной 1911 г. СПб., 2001. С. 99; Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II: Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г. СПб., 1910. С. 352.

15. Любавский М.К. История царствования Любавский М. К. История царствования Екатерины II: курс читанный в Императорском Московском университете весной 1911 г. СПб.: Лань, 2001. 254 с.
16. Медушевская О.М. Источниковедение и архивоведение в современной гуманитарной ситуации // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе. М.: ВНИИДАД, 1988. С. 22–30.
17. Медушевская О.М. Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании: проблемы методологии // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М.: Изд-во РГГУ, 1996. С. 6–27.
18. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М.: Текст, 1994. 319 с.
19. Мустонен П. Архивные материалы СЕИВК как источник периодизации ее деятельности // Отечественные архивы. 1997. № 2. С. 23–30.
20. Новохатко О.В. Записные книги московского стола Разрядного приказа XVII в. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 445 с.
21. Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: просвещенный абсолютизм в России / О.А. Омельченко. М.: Юрист, 1993. 428 с.
22. Рогожин Н.М. Посольские книги начала XVII в. и архив Посольского приказа // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР: Дооктябрьский период. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1981. С. 99–114;
23. Рогожин Н.М.. К вопросу о сохранности посольских книг конца XV – начала XVIII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1988. С. 22–30;
24. Российские реформаторы (XIX – начало XX в.) / Сост. и отв. ред. А.П. Корелин. М.: Международные отношения, 1995. 320 с.
25. Реформы и контрреформы в России: Циклы модернизационного процесса. М: Изд-во МГУ, 1996. 400 с.
26. Румянцева М.Ф. Урбанизация как проблема сравнительно-исторического исследования: методологические аспекты феноменологического подхода // Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Отв. ред. Э.В. Сайко. М.:Наука, 1999. С. 57–69.
27. Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй: Источниковедческое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 446 с.
28. Станиславский А.Л, Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М.: Наука, 1976. С. 123–152.
29. Четырина Н.А. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. М.: АИРО – XXI, 2006. 320 с.
30. Шевченко Е.А. Воронежское наместничество (1776–1779 гг.): Система управления. Воронеж: Истоки, 2010. 302 с.
31. Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М.: Наука, 1984. 277 с.
32. Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М.: Прогресс-«Культура», 1996. 496 с.